

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ О ВОЙНЕ

ТАМОНИКОВ
ЛЕКСАНДР

НЕИСТОВЫЙ УЗНИК



МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении обложки использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Неистовый узник / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103299-9

Опытный разведчик ополченцев старший лейтенант Илья Ткач бежит из украинского концлагеря «Олимпик». Охваченный ненавистью к националистам, он предлагает своему руководству план по уничтожению лагеря и освобождению пленных, большая часть которых — мирные граждане. Есть у старлея и личный интерес: из-за знакомства с ним в застенки СБУ попала девушка Олеся. Ей срочно нужна помощь. Но у комбата Карабы другие задачи: сейчас гораздо важнее нейтрализовать вражеских диверсантов, проникших в город с целью подрыва местной газораспределительной станции. Ткач с группой захвата приступает к выполнению задания, предполагая, что лично знаком с главарем диверсантов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103299-9

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

От автора

ГЛАВА 1

12 сентября 2015 года на блокпосту ВСУ близ деревни со странным названием Чувиха произошло ЧП. Здесь давно не случалось ничего подобного. Перемирие, казавшееся лишь поводом для анекдотов, стало походить на настоящее. По инерции случались перестрелки, локальные стычки, взаимные обмены «любезностями» в виде минометных обстрелов, но серьезных боев уже давно не отмечалось. Противоборствующие стороны были готовы к сражениям, но приказ не открывать огонь худо-бедно выполнялся.

Деревню Чувиха на украинской стороне и село Талое, контролируемое ополченцами, связывала грунтовая дорога, разрытая воронками от снарядов. У каждого населенного пункта стоял блокпост — на востоке ополченцы, на западе — силовики. К северу от дороги находилось кладбище — ранее оно использовалось жителями обоих сел. Сейчас на нем тоже хоронили, но уже с оглядкой — боясь примкнуть к тем, кого пришли провожать в последний путь. Частенько над головами участников похоронных процессий посвистывали

пули. Так уж вышло, что смиренный погост оказался точно на линии разграничения. Сегодня никого не хоронили. В районе полудня со стороны силовиков загремели выстрелы. Ополченцы мгновенно заняли позиции, прильнули к амбразурам. У украинцев явно что-то происходило. Отрывисто били автоматные очереди, доносились яркие образчики «устного народного творчества». Взорвалась граната, раздался треск ломающегося шлагбаума, и из клубов порохового дыма возник летящий на всех парах легковой «УАЗ». Водитель не разбирал дороги, и ополченцам на другой стороне поля предстало увлекательное зрелище. Машину швыряло из стороны в сторону, водитель отчаянно газовал. С блокпоста выбегали люди и стреляли вдогонку. Пули хлестали по дороге, уносились в степь. Водителя обуревал страх, он торопился выйти из-под обстрела и, насилу справляясь с управлением, гнал машину по дороге, подлетая на ухабах. Ударил крупнокалиберный пулемет с БТРа, установленного за бетонным ограждением. Свинец перепачкал обочину, разбросал грунт. Водитель резко вывернул руль, и машина вильнула влево. Это стало полной для него неожиданностью — на подобные маневры парень не рассчитывал. Машина ушла с обочины, запрыгала по полю к оградкам кладбища. Ему становилось все труднее удерживать ее на ходу. Он затормозил

перед ближайшей изгородью — частоколом коротких остроконечных штырей. Задние колеса занесло, машина ударилась левым бортом об ограду, накренилась, въехав на территорию участка вместе с поломанной изгородью. Вот уж воистину, кладбищенская ограда — самая бесполезная вещь. Наружу выйти никто не хочет, войти тоже не много желающих... Водитель выбрался из машины через правую дверь — рослый подтянутый брюнет с перекосенным лицом, в форме украинской армии. Он держал за цевье «АК-74» — тот за что-то зацепился клыком затвора, парень ожесточенно рванул его. И тут же свалился под колеса — соседнюю ограду прошила пулеметная очередь, повалила проржавевший памятник. Несколько человек в военной форме отделились от блокпоста, побежали, пригнувшись, вдоль дороги. Видимо, получили приказ вернуть беглеца. Ополченцы пока помалкивали, наблюдали за развитием событий. Беглец рванул короткими перебежками, при этом виляя как заяц. Он пробежал несколько метров, залегал, оборачивался. Силовики продолжали «выражать озабоченность» — пули свистели у него над головой. Он огрызнулся короткой очередью, припустил дальше. Ополченцы, прильнувшие к амбразурам, уже видели его лицо — скуластое, возбужденное. Он махал им руками и что-то кричал. Ударил скорострельная пушка с БМП.

Взрывы прогремели левее — порвав еще одну ограду и разметав могилу. Беглец оступился, выронил автомат и, рухнув на колени, принялся искать его в высокой траве. Видно, очень хотелось прийти к противнику с оружием в руках. Намерение было похвальным, ополченцы одобрительно загудели. Командир блокпоста принял решение поддержать перебежчика. В преследователей полетели пули. Автоматчики залегли, стали отстреливаться. Беглец почувствовал поддержку, побежал вдоль обочины, подбрасывая длинные ноги, при этом автомат отвел в сторону, давая понять, что бежит не в атаку. Несколько раз он падал в водосточную канаву, поднимался, снова бежал. Силовиков прижали к земле, они отползли — благо недалеко ушли от своего поста. Парню осталось пробежать не больше ста метров. Он решился на рывок — поднялся и помчался в полный рост, закусив губу. Ополченцы поддерживали его выкриками — словно форварда своей команды, вышедшего с мячом к воротам противника! Давай, парень, давай!

Под рваные хлопки выстрелов он влетел за бетонные заграждения, выронил автомат и в изнеможении повалился на землю, кашляя и хватаясь за ребра. Физиономия пылала, как маковое поле. Это был стройный, спортивно сложенный парень с правильными чертами лица. Его обступили ополченцы, кто-то поднял автомат.

— Не стреляйте, не бейте... — хрипел он. — Или бейте, черт с вами... Я к вам, не хочу больше воевать... — и снова зашелся кашлем.

— Приветствую тебя, уважаемый, — ухмыльнулся рослый бородач с ручным пулеметом на плече, — от лица, так сказать, всех угнетенных жителей Донбасса. — Его товарищи засмеялись, а бородач продолжал: — Что, дружок, надоело жрать еврокапусту и пить еврогорилку? Нормальной жизни захотелось? Или, может, ты — разведчик?

— Ага, Штирлиц, на хрен... — выдохнул беглец и поднялся на колени. Пошарил по земле, видимо, ища свой автомат, потом опомнился и хрипло засмеялся: — Все, мужики, делайте со мной что хотите, я больше не хочу воевать... К своим не вернусь... Николаем Калаченко меня кличут, сержант Николай Калаченко, разведвзвод второго батальона аэромобильной бригады...

— Ого, десантура! — воскликнул бородач. — Доброволец, поди?

— Доброволец, — честно признался беглец. — Но когда это было? Полтора года назад... Запарили мозги, поверил им... Ей-богу, хлопцы, не хочу быть карателем, нет на мне невинной крови, можете проверять... В Киеве записывался в добровольцы, работал там в охранной фирме, с матерью жил, она в столицу переехала, а сам я местный, из

Краснодола, на улице Связистов живу, дом у меня там, отец в Краснодоле похоронен...

— Да ты сосед, что ли? — прищурился второй боец — обладатель усыпанного угрями лица. — На улице Коминтерна я живу, почти по соседству. Вроде видел тебя, парень, но не сказать, что знаю...

— Зато я тебя знаю, — вздохнул Калаченко, вытирая рукавом пот со лба. — Не помню, как тебя звать, ты в четвертой школе учился, дрались мы с вашей кодлой на дискотеке в общежитии турбинного завода... У тебя, кажется, брата в шахте завалило, помню, ты мрачный ходил, а потом то ли в Донецк, то ли в Горловку за лучшей жизнью подался...

— В натуре местный, — удивился боец. — А какого хрена у хохлов делал?

— Так пришей меня за это! — разозлился перебежчик.

— Ладно, подеритесь еще, — миролюбиво буркнул бородач. — Вставай, парень, не будем тебя сегодня дрючить. В штаб батальона доставим — если не соврал и нет на тебе крови, то ничего с тобой не будет. Мы рады, когда сознательный люд с той стороны переходит к нам. Всех приютим, если не гнида, конечно. Эй, мужики, у нас «буханка» на ходу? Доставьте этого паренька в Краснодол. Только уж извиняй, зайка ты наша быстроногая, но ручонки мы тебе свяжем...

Беглеца доставили в райцентр довольно быстро — туда все равно собирались за продуктами длительного хранения. В объезд через Рудное было не больше тридцати километров. Накатанный проселок тянулся мимо деревень, перелесков, обвивал покатые холмы, заросшие осиновым редколесьем. Леса начинали желтеть, рябина покрывалась багрянцем, но преобладающим цветом в природе пока оставался зеленый. Дезертир сидел со связанными руками в глубине салона. Он уже успокоился, лицо приобрело нормальный цвет. Вел себя сдержанно, лишь однажды улыбнулся, когда проезжали село Запажное, обернулся, провожая взглядом людей, убирающих картошку. «Девушка у меня тут жила, — объяснил он. — Симпатичная была, зараза. Поссорился я с ней, вышла замуж за отпрыска главы Краснореченского района...»

Поселок городского типа Краснодол переживал в начале сентября 2015-го не самые худшие времена. Военная жизнь постепенно сменялась мирной. Еще чернели воронки от снарядов, возвышались остовы сгоревших зданий, по улицам сновали патрули в защитном, а на перекрестках стояли танки и БТРы, но признаки мирной жизни уже преобладали. Работали магазины, заправки, на улицах было много легковых машин, в центре по тротуарам и паркам гуляли люди. Попадались

молодые матери с колясками. Где-то отстраивали кирпичный забор. На месте взорванного дома высился новый, еще не окрашенный сруб. Чадили грузовики со строительными материалами. Городок утопал в зелени садов. В центральном сквере энтузиасты высаживали саженцы на месте поваленных лип. Работала дорожная техника — латала асфальт. Штаб мотострелкового батальона переселился из подвала в пустующий центр занятости, соседствующий с городской администрацией и райотделом милиции. В глубине дворов располагалось приземистое здание бывшего отдела СБУ. Оно не выделялось на фоне прочих строений, могло похвастаться лишь подвалами и усиленной охраной. В одно из цокольных помещений и доставили задержанного. В комнате со скудным декором находились командир батальона майор Караба Богдан Мстиславович, прикомандированный к батальону контрразведчик капитан Гнышев (за глаза его называли «особистом») и командир взвода специальной разведки старший лейтенант Илья Ткач. За три недели, прошедшие после побега из концлагеря, Илья практически оправился, набрал вес, приосанился. Но пребывание в неволе наложило отпечаток на облик — лицо оставалось серым, под глазами чернели круги. Он постоянно выглядел уставшим, и даже офицерская выправка казалась нарочитой, вымученной, словно

позаимствованной у кого-то другого. Он скромно стоял у дверей, подпирая стенку. Илья понятия не имел, зачем Караба вызвал его на допрос военнослужащего ВСУ. Решил, что после концлагеря он теперь с легкостью распознает любую фальшь? Можно подумать, первый перебежчик. В военное время народ валил пачками, не желая воевать. Сдавались целыми подразделениями. С началом перемирия ручеек стал иссякать (что, впрочем, вряд ли говорило о том, что Украина стала богатой и процветающей страной), но прецеденты по-прежнему случались. Потенциальных диверсантов в их рядах было немного, но всякое, конечно, бывало.

Парень, сидящий на табурете посреди комнаты, на диверсанта не тянул. Жилистый, с нормальным лицом, нормальными глазами. Он сильно волновался, хотя и старался выглядеть спокойным. В глазах застыло что-то вроде обреченности — мол, будь что будет. А когда майор Караба, бесцельно блуждавший по комнате (не любил комбат состояние покоя), остановился у него за спиной, дезертир напрягся, невольно втянул голову в плечи. Это была совершенно нормальная реакция.

— Ну что ж, молодой человек, обсудим вопросы наших двусторонних отношений, так сказать, — подал голос сидящий за столом контрразведчик.